

ЕГО ДЕВИЗ «ЗОВУ ЖИВЫХ!»

Духин Я.К., Замула Н.Г.

25 марта (6 апреля) исполняется 200 лет со дня рождения Александра Ивановича Герцена.

Память людская Наверняка сохранила к нему интерес. Может быть, не всегда четко зафиксированный, но, несомненно, уважительный. По крайней мере, старшее поколение в этом уважении воспитывали. И вдруг читаем: «... А. Герцен спал, не ведая про зло,/ Но декабристы разбудили Герцена,/ Он не доспал – оттуда и пошло./ И ошалев от их поступка дерзкого,/ Он сразу поднял на весь мир трезвон,/ Чем разбудил нечаянно Чернышевского,/ Не ведая, что этим сделал он...» Завершается сей «поступок дерзкий» стихотворца и вовсе умилительно (*держись, читатель!*): «Какая сука разбудила Ленина,/ Кому мешало, что ребенок спит?»

Оставим в сторону разухабитость стиха, но признаем, что написано лихо и заявлено хлестко, а главное – конъюнктурно-своевременно. Здесь все смешалось: декабристы, Герцен, Чернышевский, Ленин, наконец. Особенно не может не «восхищать» связка «Герцен – Ленин»: попытка возложить историческую ответственность за деяния «вождя революции» на «отца русского социализма». И для диссидентствующего «поэта» Наума Каржавина (*его и вспомнить-то мало кто может*) они в одной упряжке, и имя им не иное, как злодеи, и поиздеваться над ними не боязно, они – в прошлом.

Этот стих-пасквиль появился давно, в перестроечные девяностые годы. Так думать тогда было современно, такой подход к деяниям Герцена был актуален, в конце концов, так было принято. Смутная эпоха многое опошילה и погубила, и национальную гордость в том числе. Неудавшийся эксперимент с социализмом его хулители готовы были отнести за счет кого угодно, и Герцена в том числе. Модной становилась ностальгия по «поздним» императорам и их верным клеветам; в духе страданий молодого Вертера лились слезы по «изобильно могучему» русскому капитализму.

И сказал мне народ: «Не скажешь ли нам, какое для нас значение в том, что ты делаешь?»
(Библия. Пророк Иезекииль. Гл. 24, ст. 19)

Но время идет, акценты начали меняться: «Таким ли уж сонно-ошалевшим прошел по дорогам истории один из умнейших ее представителей? И наверняка в этом стоит разобраться».

Среда, взрастившая А. Герцена, – дворянская. Более того, дворянином он был первоначально, из родовитых и богатых. Отец его в молодости, еще при Екатерине II служил в гвардии, как многие тогда «отваги и удали люди», обуреваем был вольномыслием. Мать Герцена, Г.-Л. Гааг, дочь мелкого чиновника из немецкого города Штутгарта. Ребенок был рожден по любви и согласию, но вне законных отношений, что и предопределило его вымышленную фамилию (от нем. *Herz – сердце*). Лениность и барские предрассудки отца, так и не оформившего брак с его матерью, припечатала Герцену клеймо «незаконного сына». Впрочем, страданий у Александра Ивановича по этому поводу особых и не было.

Как быстро рос сын. Не физически – здесь все в норме, – нравственно и умом забегая вперед своих сверстников. Ему лишь 14 лет, а он полностью погрузился в богатую библиотеку отца, собранную им во Франции: читает великих французских, Шекспира, Руссо, Байрона, Бомарше, Гете, Шиллера. Плутарх греческий стал любимым чтением! А Пушкин, Грибоедов! От них восторг и «восхищение».

Не потому ли столь рано пробудившийся интеллект способен был так остро почувствовать в себе перемену, вызванную выступлением не полюбившихся Н. Каржавину декабристов. Еще по сути будучи ребенком, А. Герцен сумел поразительно точно сформулировать программу предстоящей жизни: «Я клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим строем, с этим алтарем...».¹ Вот здесь надо отметить главное: на Воробьевых горах рядом с этим «ребенком» стоял другой и тоже давал клятву. Огарев Н.П. – будущий поэт, публицист, друг и товарищ по борьбе за идеалы юности. «Было у него широкое и весьма трепетное сердце, которое так же билось, как и у меня», – скажет позднее Герцен.

Все сокровенное поверяли друзья друг другу. Бывало и такое: «Сколько раз ребенком почти, – вспоминал Александр Иванович, – приходил я, бледный и со слезою на глазах, к Огареву и склонял голову, которая кипела от внутренней обиды на его плечо. И что было бы, ежели бы не этот друг?!»² Огарев был первой чуткой и восторженной аудиторией своего товарища, разделял все его духовные искания, был рядом в дни горестных невзгод и испытаний. Да и прожили они многие годы одним домом, одной семьей. Одно вне всяких сомнений – остались друзья верными той далекой детской клятве, которую торжественно дали на Воробьевых горах.

Университетские годы! Кому из нас не памяты они... Как стремительно менялся студент Герцен: детский, не всегда упорядоченный читательский вкус сменился серьезным накоплением глубоких и разносторонних знаний. В силу многих обстоятельств А. Герцен пришел в университет с уже с отчетливо рельефным представлением о своем назначении. Круг его увлечений поразителен: ему интересны естественные науки (к ним «сильная страсть»), философия и политические системы, по астрономии он пишет серьезную научную статью, с головой погружается в бездну русской и зарубежной литературы. Писатель и публицист П.Д. Боборыкин был бесконечно прав, заявляя, что «Московский университет может по справедливости гордиться таким питомцем».³ Ранее незрелый, неопытный взгляд на мир окружающий приобретает через университетскую стезю осмысленность и острое чувство понимания смысла жизни.

Юность университетская у Герцена – пора дружеских симпатий и сплочения с единомышленниками, отличавшимися обостренным чувством вольнолюбия. «Мы вошли в аудиторию, – вспоминал позднее А. Герцен в «Былом и думах», – с твердой целью в ней основать зерно общества по образу и подобию декабристов и потому искали прозелитов и последователей...» Чем только ни увлекались молодые люди – их будоражили вести из революционной Франции и события в Польше, они с упоением спорили о смысле европейского утопического социализма. Кстати, увлечение сенсимонизмом и фурьеризмом имело характер искренних убеждений в непререкаемой правоте их учения. И только позднее А. Герцен, признавая социализм утопистов Запада

«величайшим пророчеством будущего», заметил, что в нем «чего-то недостает». И уточняет: «У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании...».⁴

Но более всего друзьям ненавистен был николаевский режим. И как бы ни старались некоторые сегодняшние апологеты оправдать его, он по сути остается таковым, каким представлялся современникам. Всем было ясно, в том числе и французу маркизу де-Кюстину, что «в России деспотизм – на троне, но тирания – везде», и тем более «хуже, чем в Китае». Вряд ли у Герцена и его товарищей сложилось иное представление, отсюда и поиски выхода. Рецепт оказался прост и однозначен, и его уже давно рекомендовал мировой опыт – революция. Друзья по студенческому кружку и сам Герцен становятся ее сторонниками. Позднее он запишет: «... мы проповедовали декабристов и французскую революцию..., но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, к всякому правительственному произволу».⁵

Будет еще более резкое суждение: «Под железным кулаком Николая I мысль наша сделалась дерзка и неустрашима».⁶ За что и поплатились первой ссылкой, будет и вторая, позднее, в Новгород. Император Николай I, и ему нужно отдать должное, весьма умело пользовался кнутом. Как часто Герцен будет ощущать на себе зоркий взгляд державного ока! Не будет прощать ему и «благословенный» Александр II.

Герцена нельзя представить вне общения с кругом лиц, близких и не очень.

Увлечение философией Гегеля привело его в кружок Н.В. Станкевича. Здесь царил атмосфера абсолютного господства идей великого немца, его признавали, с ним не соглашались, но никак не оставались равнодушными. С изящным юмором, но совсем в точку у поэта А. Жемчужникова прорвался изумительный стих: «В тарантасе, в телеге ли/ Еду ночью из Брянска я,/ Все о нем, все о Гегеле/ Моя дума дворянская». Изучение наследия немецкого ученого сблизило его с людьми незаурядными, с которыми можно было обмениваться мыслями, поспорить, выявить истину. Позже он вспоминал: «Такого круга людей, талантливых, развитых и чистых, я не встречал потом нигде. Ни на высших вершинах политического мира, ни на последних маковках

литературного и аристократического».⁷ При этом не терпел Александр Иванович в русских людях дилетантизма и сторонился «людей, любящих пофилософствовать» и «усвоивать себе плод чужого труда». Это как раз то, о чем и нам не мешает задуматься.

К сожалению, наше быстротекущее время и во многом индивидуализированное бытие привели к потере многих замечательных традиций общения, так свойственных герценовским единомышленникам. Сознаемся, часто ли мы наблюдаем вокруг себя так со вкусом описанный Герценом мир не дилетантских вовсе, а интеллектуальных забав и увлечений. Прочтем: «Рядом с болтовней, шуткой и ужином и вином шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей и знаний, каждый передавал прочитанное и узнанное, споры обогащали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех, Ни в одной области ведения, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы которому-нибудь из нас и не было бы тотчас сообщено всем».⁸

Болезненно воспринимал Александр Иванович невозможность политической деятельности в России, постоянно душивший его жандармский надзор. Спасение виделось в Европе, и судьба распорядилась так, что он почти половину не столь продолжительной жизни проведет в эмиграции. Уезжая за границу, покидая родину, Герцен был уже достаточно известен как автор многих литературных романов и повестей, философских трактатов и обильной публицистики. Прощался с друзьями, с иными временно, с другими навсегда. Прощался трудно...

Ах, эмиграция! – вожденная мечта многих сегодня. С ним все иначе – ностальгия, тоска по московским родным местам, по оставленным друзьям. Герцену отчаянно дороги становятся даже мелочи быта русского, он их всячески старался сберечь и сохранить, он не стесняется слез, когда слушает русскую песню. Двоюродной сестре Т. Пассек эмигрант в порыве чувств ностальгических скажет: «Хотелось бы взглянуть еще на нее (*родины – авторы*) поля, на ее рощи, подышать родным воздухом». От детей он настойчиво требует: «Занимайтесь как следует русским языком».

Эмиграция дала Герцену возможность выразить себя открыто, продолжить ранее на-

чатое дело без оглядки на полицейский и цензурный окрик. «Зачем я здесь?» – спрашивал он себя. И отвечал: «Остаюсь затем, что борьба здесь..., здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но гласны. За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту гласность я остаюсь здесь».

Заграница встретила А. Герцена революцией. И он ее страстно приветствует. А потом наступило разочарование. Не такой результат от нее он ожидал. Рушились иллюзии и надежды на революцию «социальную». Расставаясь с прежней верой в готовность Европы принять идеи социализма, Александр Иванович обращает взоры на русскую общину, пытаясь в ней обнаружить идеал социалистического общества. Ругают его за эту идею, считают ее утопией. И будущее русского пути, увы, этот вывод подкрепит. Ладно, но откуда в наших головах задержалась мысль об иреальности социализма? И судим ли великий русский демократ за то, что прекрасная сама по себе идея так грубо была попраана тоталитарным временем и болезненными наследниками «научного социализма», превратившими своими деяниями социализм в патологию, уподобив его скверне?

А что касается революционного взгляда, то нет оснований делать на нем излишне пристальный акцент. Слов нет, Герцен – сторонник решительной ломки самодержавно-крепостнического режима, он звал на борьбу с ним, неустанно внушал крестьянам мысль о том, что виновник их тяжелой судьбы не только помещик, но и державный властелин – «царь с ними и они его». В то же время он не опускался до идолопоклонства перед революцией, он считал нужным идти иногда на компромисс с властью, пытаясь, где это было возможно, избежать «кровавой драмы». Герцен был реалистом и прагматиком. К «топору» он призывал с осторожностью. И вовсе не случайно эта идея не получила своего развития в его знаменитом «Колоколе». К этому исходу он призывал с осторожностью, надеясь, что Россию минует чаша «восстаний и революций», хотя и не исключал, как «последний довод», крестьянский натиск «снизу». Призывая российское дворянство к добровольному отказу от крепостного права, он советует: «Нам кажется умнее, расчетливее уступить, нежели ждать взрыва».⁹ Подобная позиция заслужила

упреки со стороны представителей радикальной русской революционной демократии.

Прав ли был? Видимо, да. И тот факт, что царизм пошел на небывалую для себя уступку – провел освобождение крестьян и даровал иные реформы, – есть и заслуга Герцена, пытавшегося в своих «слащавых письмах», которые «нельзя читать без отвращения» (В. Ленин), убедить Александра II в необходимости обновления России.

Любимым детищем в эмиграции становится Вольная русская типография, десять лет издавался в ней знаменитый «Колокол». Русский изгнанник свое место видел в бою. Место боя – печать, журналистика и публицистика, живое и открытое слово. Отныне призыв: «Зову живых!» – его кредо. Газета – очень острое оружие Герцена, здесь ему не было равных; ее любили, ее чтители, ее ругали. «Колокол» проникал всюду, даже в покои царя, ее внимательно изучали жандармы и губернаторы, ее читали университетские профессора и чиновники, но более – молодое, растущее поколение новаторов и борцов со старым строем, старой моралью и политикой. И вот оно сокровенное, Александр Иванович высказал его в «Былом и думах»: «Горячо приветствовало нас молодое поколение; были письма, от которых слезы навертывались на глазах...».

«Запретная газета» находила своих читателей даже в далеком Казахстане. Ее страницы довольно часто давали возможность русскому читателю знакомиться с материалами о тогда еще многим неведомом степном крае. Лондонский издатель опубликовал до десяти обширных обзоров и заметок о Казахстане, авторами которых были такие крупные ученые-путешественники и исследователи, как М.И. Венюков, Г.Н. Потанин, полковник Генерального штаба А. Макшеев и др. В них резко критиковались колониальные порядки, беззаконие, открытый произвол царских властей, прославивших себя сомнительными «подвигами» в подавлении антиколониальных выступлений местного населения. Можно понять обеспокоенность оренбургского генерал-губернатора, доносившего министру внутренних дел о том, что лондонская газета Герцена своими публикациями находит в крае самую благоприятную почву и учит народ «не повиноваться законным властям».¹⁰

В эмиграции А. Герцен жил безбедно, широко и гостеприимно. Его загородный особняк в Лондоне на берегу Темзы, недалеко от резиденции эмигрантских герцогов Орлеанских, совсем не был похож на уединенное жилище – он был простым и открытым для всех. Дом до предела заставлен книгами; хозяин любил книгу, слыл внимательным и вдумчивым читателем. Сюда поступали газеты и журналы со всей Европы, рукописи и корректура для Вольной типографии.

А какие посетители навещали Герцена и его друга поэта Н. Огарева, здесь же проживавшего! Особняк на Темзе видел в своих покоех русских и поляков, французов и немцев, славян и итальянцев. Бывали в гостях Чернышевский и Сераковский, подолгу гостили Бакунин, Гарибальди, Мадзини, наносили визиты генералы и путешественники, музыканты, писатели, художники. Все шло к Герцену – мудрому, доброжелательному, готовому помочь советом и материально каждому, в этом нуждающемуся. Здесь выработывалась стратегия русского тираноборческого дела. Здесь обсуждался, а порой и формировался общеевропейский общественный климат.

Семейный очаг Александра Ивановича подвергался мучительным потрясениям: погибли в морской катастрофе мать и сын, преждевременная смерть вырвала из жизни горячо любимую жену. Не всегда находил он утешение и в своих детях, которых страстно любил, но не нашел в них продолжателей своего дела. Сын Александр погрузился в науку, дочери никак не могли найти личного успокоения. Сложно складывалась и семейная судьба самого Герцена.

Вместе с тем Герцен не производил впечатления человека, угнетенного печалью и невзгодами. Был он живым, открытым, энергичным, деловым в поступках и красивым. Порывистый и восторженный по натуре, Александр Иванович обладал трезвым и глубоким мыслительным даром. Его великолепному ораторскому искусству – умному, ясному, находчивому и лаконичному – завидовали многие. За остроумие современники называли его «королем иронии».

Испанский писатель, историк и публицист Э. Кастеллар оставил великолепное описание Герцена: «Невысокого роста, с большой головой, длинными, светлыми волосами, как у гота..., белолицый, со светлой бородой... и МА-

ленькими сверкающими глазами, как глаза гуннов, столь страшивших упадочных римлян». «Живость его языка, – продолжает Э. Кастелар, – воодушевлявший его огонь, сила обуревавших чувств, внезапность переходов от возвышенного к гротескному; изумительная многогранность и неподражаемое изящество придавали ему горячность, живость и яркость людей юга».

Окруженный постоянно любовью и друзьями, Герцен знал и предательство. Не всеми был понят и оценен. Сложно складывались его контакты с радикальным крылом русской революционной демократии. Не сложились отношения и с лидерами I Интернационала К. Марксом и Ф. Энгельсом. Дело дошло до того, что Ф. Энгельс, отказавшись принять участие в одном из митингов совместно с Герценом, заявил: «Я с Герценом не хочу никогда и нигде фигурировать вместе». Вряд ли этот поступок можно признать здоровым с позиции общего дела, которому служили тот и другой. Показательно, что другой марксист – В.И. Ленин, напротив, с великим почтением склонялся перед памятью «писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Не за это ли сегодня Герцен удостоивается «демократического» остракизма? А жаль, ведь его наследие так целительно для души человеческой. Это понимали уже давно, и понимали многие.

Завершим словами известного английского поэта и публициста Вильяма Линтона: «... я заявляю права на него, несмотря на эти еретические взгляды, за его верное товарищество, за неустанную помощь нашему делу».

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ СЕКТ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Жилова Ю.П., Кудрявцева О.В.

Наша страна традиционно многоконфессиональна, всю ее историю люди, исповедующие различные религии, жили бок о бок друг с другом, с уважением относясь к праву соседа верить по-своему, свободно и сознательно выбирать свои религиозные убеждения. Но именно этого права человека стремятся лишить тоталитарные секты.

История религиозного сектанства – многовековая история, но только на современном

этапе ряд сект характеризуются как тоталитарные секты. В их деятельности появилось систематическое использование психотехник, направленных на подавление воли человека и контроль его поведения, чувств.

Причем проблема эта настолько серьезна в настоящее время, что широко изучается научными и даже правительственными кругами различных государств. Вопрос о деятельности тоталитарных сект был неоднократно

Неужели кому-либо отдадим наше отечественное достояние?

А в Москве и Петербурге в 1993 г. улицы имени Герцена переименовали соответственно в Большую Никитскую и Большую Морскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946. С. 32.
- 2 Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 томах. М., 1954-1964. Т. 1. С. 502.
- 3 Боборькин П.Д. Воспоминания: В 2-х томах. М., 1965. Т.П. С. 474.
- 4 Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т.П. С. 345.
- 5 Герцен А.И. Былое и думы. С. 674.
6. Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т.Х. С. 245.
7. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1958. Т.П. С. 102.
- 8 Там же. С. 103.
- 9 Герцен А.И. Полн. собр. соч. Т.УП. С. 251.
- 10 Духин Я.К. А.И. Герцен и Казахстан // Ленинский путь. Кустанай, 1970. № 14.

Түйін

Осы мақала А.И. Герценнің 200 жылдық мерейтойына арналған. Авторлар белгілі жазушының, көсемсөздің, баспагерінің мінездемесінің тұлғалық ынтығы мен назарына айрықша көңіл аударып, шығармашылық жолына жалпы талдау берді.

Conclusion

This article is about the 200th anniversary of A.I. Gertzen.

The authors give a general analysis of Gertzen's creative way as a famous writer, publicist and publisher. Special attention is paid to his personal characteristic, likings and views.